УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Proceedings of Petrozavodsk State University

Т. 43, № 2. С. 44–54 2021

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2021.583
УДК 93/94, 261.7, 322

Отечественная история

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ШЕВЧЕНКО
кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИО новейшей истории Русской Православной Церкви
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6497-503X; tatyana_valaam@mail.ru

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В ПЕРЕПИСКЕ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ I С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РПЦ Г. Г. КАРПОВЫМ

Аннотация. Статья посвящена обзору «финляндской темы» в переписке патриарха Московского Алексия (Симанского) с председателем образованного в 1943 году Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карповым и охватывает период 1945–1953 годов. Вся переписка (1945–1970) опубликована в 2009 году в двухтомном сборнике издательства «Российская политическая энциклопедия». «Финляндский вопрос» включал в себя обсуждение мероприятий и стратегии по восстановлению канонических отношений Русской и Финляндской православных церквей. В 1921 году патриархом Московским Тихоном (Беллавиным) была предоставлена автономия Финляндской православной церкви, которая в 1923 году, вопреки его протесту, перешла под юрисдикцию Константинопольского патриарха. С тех пор отношения между Русской и Финляндской церквами считались прерванными. Сложное положение Церкви в Советской России и Вторая мировая война не позволили обеим сторонам обсудить возникшую проблему. Первые послевоенные годы советское правительство оказалось заинтересованным в содействии Русской церкви своей международной политике. Обзор переписки показывает динамику процесса обсуждения патриархом Алексием и Г. Г. Карповым проблемы восстановления канонического общения между Русской и Финляндской церквами, связанные с этим новые аспекты и помогает понять, почему в то время Финляндской церкви не была предоставлена автокефалия.

Ключевые слова: история Русской православной церкви в XX веке, Финляндская православная церковь, патриарх Алексий (Симанский), Совет по делам Русской православной церкви, Георгий Григорьевич Карпов, архиепископ Герман (Аав), автокефалия, советско-финляндские отношения, государственно-церковные отношения

Для цитирования: Шевченко Т. И. «Финляндский вопрос» в переписке патриарха Алексия I с председателем Совета по делам РПЦ Г. Г. Карповым // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.583

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена обзору писем патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского, 1877–1970) в Совет по делам Русской православной церкви (РПЦ) за 1945–1953 годы. Они опубликованы в первом томе одноименного двухтомника писем, охватывающего период 1945–1970 годов, который вышел в свет в 2009 году в издательстве «РОССПЭН» [9]. Несмотря на давний срок публикации, представленный в сборнике уникальный документальный массив по истории РПЦ одного из самых неоднозначных периодов ее существования все еще ждет осмысления, комментирования и введения в научный оборот. В данной статье представлен обзор лишь одной затронутой в переписке темы, а именно – обсуждение «финляндского вопроса».

В период 1945–1953 годов наиболее активно решался вопрос о восстановлении канонических отношений Русской и Финляндской православных церквей и была актуальна тема автокефалии Финляндской православной церкви, которую могла предоставить ей Церковь-мать – Русская православная. Цель статьи – прояснить с помощью анализа переписки обстоятельства межцерковных отношений и понять, почему автокефалия все-таки не была предоставлена. Предполагается исследовать динамику отношений русской и финской сторон в решении вопро-

© Шевченко Т. И., 2021

са автокефалии. Хронологические рамки обусловлены двумя важными датами в жизни РПЦ: 1945 (год избрания патриарха Алексия I) и 1953 (год смерти Сталина). Они соответствуют «сталинскому» периоду служения патриарха Алексия (Симанского).

Подробная фактография послевоенных российско-финляндских церковных отношений описана в работах Т. И. Шевченко [14: 308–331], [15] и епископа Силуана (Никитина) [12], в частности в статье последнего – «Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е гг. XX века»[1]. Оба автора опираются в основном на материалы по Православной церкви в Финляндии периода 1950-х годов, хранящиеся в Государственном архиве РФ, в фонде 6991 (Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР). Документы отражают рабочие детали процесса: подготовку делегаций, официальные отчеты о них, те или иные действия, предпринятые участниками процесса в разное время, и реакцию на них руководства. В отличие от этих материалов, настоящая переписка показывает состояние дела по факту: она отражает основные мотивы принятия тех или иных решений советской стороной, «кухню» процесса формирования позиции Московской патриархии. Несмотря на вовлеченность в процесс многих лиц и структур, окончательное решение все же принималось «на верхах».

Позиция финляндской стороны в процессе переговоров часто кардинально менялась. Владыка Силуан склонен акцентировать положительные аспекты процесса: стороны наконец смогли обменяться мнениями после долгого перерыва в общении, были открыты к критике и не скрывали трудностей, с которыми сталкивались. Он также считает, что в 1952 году «было положено начало новой стадии переговоров о воссоединении»[2].

Согласно монографии Т. И. Шевченко «Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957)» [14], можно предположить, что ведущую роль в провале плана автокефалии сыграло недоверие финляндской стороны к Московской патриархии ввиду зависимости последней от советского государства.

Исследуемая проблема затрагивалась в работах М. В. Шкаровского [16], [17], [19], финских историков прот. В. Пурмонена [20], Ю. Рийконена. Последний в обширной монографии «Церковь в объятиях политики: канонические разногласия между Финляндской архиепископией и Московским патриархатом 1945–1957 гг.» [21] приводит перечень исследований темы на финском языке. Из особенностей освещения Ю. Рийконеном проблемы можно отметить то, что он не отрицает канонических нарушений при отделении в 1923 году Финляндской православной церкви от Русской церкви [21: 354], но считает, что в провале переговоров о воссоединении в 1945 году была виновата последняя, поскольку Московский патриарх (Алексий I) «не был готов обсуждать широкие права» финской стороны, хотя они, по мнению автора, и были минимальными [21: 358]. Исследователь никак не выделяет 1952 год в истории переговоров.

Обзор вышеупомянутой переписки позволяет предположить, что финляндская сторона, скорее всего, не стремилась к автокефалии вообще, а затягивание переговоров с Московской патриархией нужно было для восстановления канонического общения с РПЦ на своих условиях: без изменений в тогдашнем состоянии и статусе Финляндской православной церкви, с сохранением нового календарного стиля в богослужебной практике, включая Пасхалию, и автономии под юрисдикцией патриарха Константинопольского.

* * *

Каждый том двухтомника писем патриарха предваряется несколькими вводными статьями (Н. А. Кривовой, Ю. А. Орловой), в которых раскрывается исторический контекст переписки, приводится историография периода, обзор содержания и археографический комментарий. Первый том – письма 1945–1953 годов – соответствует одному из переломных периодов во взаимоотношениях Советского государства и Церкви. В 1943 году начался кардинальный поворот в государственной церковной политике СССР, он привел к ослаблению давления государства в ключевых для Церкви вопросах. Впервые после десятилетий жесточайших гонений начался процесс нормализации государственно-церковных отношений [9: 5]. В 1943 году был создан Совет по делам РПЦ как структура-посредник между правительством СССР и патриархом «по вопросам, требующим разрешения правительства» [9: 5]. Возглавил Совет полковник госбезопасности Георгий Григорьевич Карпов (1898–1967), с которым у патриарха Алексия, «несмотря на мировоззренческую пропасть», получилось найти общий язык и установить неформально «сердечные» отношения [9: 8]. Тем не менее, пишет Н. А. Кривова, характер отношений патриарха и Карпова можно охарактеризовать не иначе как «процесс поиска компромисса» [9: 8], хотя и ставший возможным благодаря их уважению друг к другу. В одном из писем (1953) Кар-

пову Святейший резко отрицал любую возможность внешнего влияния на его деловые решения: «Для меня... крайне неприятны толки о влиянии... Будьте уверены, что я порученное мне церковное дело оберегаю от всякого стороннего вмешательства» [9: 720–721]. Естественно, как отмечает Ю. Г. Орлова [9: 13–29], общение патриарха и председателя Совета контролировалось сверху. Карпов периодически докладывал о настроении патриарха и о беседах с ним [9: 18]. Он характеризовал свое отношение к Святейшему как «официальное», разбавленное долей «известной теплоты», которая принята при общении в церковной среде, тем не менее Карпов утверждал, что «семейственности, потери ориентировки в этих отношениях нет и не может быть допущено» [9: 18].

Период стабильности был недолгим, но имел серьезные последствия для РПЦ. Она смогла укрепить положение, возродить некоторые институты и завоевать авторитет на международной арене [18: 37]. Она собрала и провела в 1945 году Поместный Собор для избрания нового патриарха, которым и стал Святейший патриарх Алексий I. Главной целью его служения было возрождение церковной жизни в СССР [9: 5]. Первые годы его патриаршества стали периодом преодоления расколов в РПЦ, которая получила, наконец, «возможность устанавливать и развивать международные и межконфессиональные контакты, укреплять межправославные связи» [9: 6].

Тем не менее обманываться не стоило. Церковь находилась в полной зависимости от советской власти, «реализовывающей идеологию тотального контроля в духовной жизни общества и жесточайшего подавления инакомыслия» [18: 37]. Составители сборника отмечают, что современные исследователи сходятся в оценке причин «потепления» к Церкви со стороны Сталина [1], [2], [6], [7], [13], в основе которых лежал «исключительно прагматичный интерес» использовать Церковь «при новом переделе мира» [9: 6]. «Те же мотивы, в сочетании со сложным комплексом проблем внутреннего развития страны, стали причиной заметного охлаждения» на рубеже 1947–1948 годов, в условиях начинавшейся холодной войны [9: 7]. Сталину важна была лишь «видимость благополучия в религиозном вопросе, а не реальное отделение Церкви от государства» [18: 37].

Одним из атрибутов этой «видимости благополучия» была заинтересованность советского правительства в использовании потенциала Церкви на международной арене. И здесь всплывает так называемый «финляндский вопрос», нашедший отражение в упомянутой переписке. С 1954 года начался пересмотр «примирительной» церковной политики государства, связанный с приходом к власти Н. С. Хрущева [10: 5]. Письма этого периода вошли во второй том сборника, они упоминаются в статье, но не включены в обзор.

Всего в первом томе (1945–1953) опубликовано 618 документов, из них 544 письма Московского патриарха в Совет по делам РПЦ и лично председателю Совета Г. Г. Карпову или его заместителю С. К. Белышеву и 74 документа-приложения. В 31 письме патриарха упоминается Финляндия. Однако содержательное обсуждение темы встречается только в восьми из них. Одни письма сообщают о получении корреспонденции касательно Финляндии с приложением ее, другие – о прилагаемом докладе или проекте ответного письма. Не остается сомнений в большой заинтересованности сторон в вопросе. Однако утверждать, что «финляндская тема» была приоритетной в обсуждении дел текущего периода, пожалуй, не стоит. Для сравнения: во втором томе двухтомника (1954–1970) «финляндская тема» всплывает действительно редко. Из 243 писем патриарха этого периода Финляндию упоминают всего в шести, причем в двух из них – в связи с тяжелым положением приграничной Олонецкой епархии, а в одном – в связи с переехавшими в Псково-Печерский монастырь валаамскими монахами.

До 1947 года, пока сохранялась надежда на проведение в Москве Всеправославного Собора, Совет по делам РПЦ в лице Г. Г. Карпова стремился содействовать расширению международной деятельности РПЦ, полагая, что появление еще одной автокефальной Церкви, которой могла стать Финляндская православная, даст дополнительный голос при голосовании на будущем Соборе.

Все послевоенное время правительство Финляндии выказывало стремление к добрососедству, учредив в 1944 году общество дружбы «Финляндия – СССР». Официальные дипломатические отношения между СССР и Финляндией были возобновлены в 1947 году. Основой внешней политики стран стал заключенный 6 апреля 1948 года договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

В 1945 году финляндские церковные власти дали свое согласие на «воссоединение». Никто не собирался их обманывать и «заманивать» обратно в Московскую патриархию, как считали в Финляндии противники процесса сближе-

ния с Русской церковью. Как и было обещано, в 1948 году Москвой была предоставлена автокефалия Польской, а в 1951 году и Чехословацкой православным церквам. Решение о даровании автокефалии заранее принимал Совет Министров СССР [19: 307–308].

Тем не менее, как справедливо отмечает епископ Силуан (Никитин), попытка восстановления отношений Русской и Финляндской церквей, предпринятая в 1945 году, провалилась. Он склонен согласиться с мнением финляндской стороны об отрицательной роли в этом негибкости митрополита Григория (Чукова), возглавлявшего переговоры[3] [12: 272–273]. Не все в Московской патриархии думали так же. Например, в 1954 году епископ Лужский Михаил (Чуб) утверждал, что поездка в Финляндию в 1945 году митрополита Григория имела «исключительное значение», проведенное им присоединение двух русских монастырей к Московской патриархии было событием «исключительной важности», которое ликвидировало «раскол в монастырях», вызванный «антиканонической деятельностью» архиепископа Германа (Аава) и Церковного управления, «беспрецедентный» в истории Финляндии[4].

В качестве причин «неудавшейся миссии владыки Григория» епископ Силуан называет «и изменение политического курса Финляндии, и осторожную выжидающую позицию епископата Финляндской Церкви, и активную деятельность малоизвестных, но влиятельных мирян»[5]. Обзор же вышеупомянутых писем патриарха Алексия позволяет обозначить и «геополитическую» составляющую провала.

Началось все с того, что патриарх ознакомил Карпова с поздравительным письмом (23 февраля 1945 года) от архиепископа Финляндского Германа (Аава, 1878–1961), в котором глава Православной церкви Финляндии поздравлял новоизбранного патриарха Алексия I и просил молиться за «автономную финскую церковь». В ответном письме, через два с половиной месяца, патриарх, поблагодарив, выражал желание восстановить нарушенное молитвенно-каноническое общение между церквами [9: 53–54]. 28 октября 1945 года патриарх Алексий направил Константинопольскому патриарху Вениамину письмо, в котором сообщал о намерении принять под свою юрисдикцию Финляндскую православную церковь, как всегда находившуюся в ведении РПЦ [9: 79].

6 декабря того же года патриарх просил Карпова одобрить текст его ответа архиепископу Герману (Ааву). Ранее (2 ноября 1945 года) архиепископ описал условия возвращения Финляндской церкви и сообщил о «сильном брожении» «среди финско-карельской части православных (70–75 % Финляндской Церкви)», готовых перейти в унию или лютеранство, но не в Русскую церковь, которая ранее, по их мнению, была использована как орудие политики и русификации. Архиепископ Герман называл условиями «возвращения» сохранение автономии и празднование Пасхи по новому стилю [9: 89]. Это было единственное письмо, где затрагивался календарный вопрос. Далее при обсуждении проблемы он не поднимался.

Патриарх Алексий предлагал (8 декабря 1945 года) заверить архиепископа, что Русская церковь живет в условиях «декрета об отделении Церкви от Государства», находится «вне возможности стать каким-либо образом орудием политики» и не намерена никого «русифицировать», принимая во внимание несвязанность понятий «национализм» и «православие». Тем не менее он настаивал на защите интересов оставшихся 25 % русского православного населения Финляндии, которое было крайне заинтересовано в сохранении «исконных традиций православия» [9: 89–90].

Судя по переписке, до 1948 года стоял вопрос именно о возвращении под юрисдикцию Московского патриарха, а не об автокефалии. Причем, как писал патриарх Карпову в январе 1946 года: «Разрешение вопроса о воссоединении с Русской православной церковью оставшихся в отделении православных епархий (Польша, Финляндия, Америка)» много зависело от отношения к «экуменическому движению» и от решения «Всемирного совета церквей» [9: 116]. Патриарх упоминал так называемый «Союз международной дружбы при помощи Церкви (в Лондоне к 1938)»[6]. По его словам, некоторые православные церковные деятели состояли постоянными членами этого Союза: 1) митрополит Фиатирский Германос (Стринопулос) (представитель Константинопольского патриарха в Лондоне), 2) архиепископ Афинский Гамилькар (от Элладской церкви, он же – профессор Аливизатос), 3) экзарх Болгарский Стефан (Шоков), 4) болгарский профессор, протопресвитер Стефан Цанков, 5) сербский епископ Новосадский Ириней (Чирич), 6) митрополит Варшавский Дионисий (Валединский), 7) митрополит Евлогий (Георгиевский) (от русской эмиграции во Франции) и др. [9: 116].

Патриарх Алексий писал, что, так как Русская церковь ранее не посылала делегатов на эти экуменические собрания, это лишило ее возможности быть в курсе того, что там происходило,

и предлагал отправлять на собрания наблюдателей. Это, по его мнению, могло помочь убедить Константинопольского патриарха Вениамина (через митрополита Фиатирского Германоса в Лондоне или при посредстве Экзарха Болгарского Стефана) в необходимости прекратить его прежнюю политику в отношении Русской церкви и отказать Польской и Финляндской церквам в дальнейшем «окормлении», которое к тому же, «согласно томасов», было временным [9: 119].

В феврале 1946 года после кончины патриарха Вениамина патриархом Константинопольским был избран Максим V (Вапорцис, 1897–1972). Он поддерживал дружественные отношения с представителями СССР в Турции, отказался осудить греческих коммунистов. Из писем патриарха Алексия Карпову узнаем, что еще в октябре 1945 года он направлял ходатайство в Константинополь:

> «По просьбе православных в Финляндии был возбужден мною вопрос о возвращении Финляндской православной церкви в лоно Матери-Церкви Русской, так как причины временного перехода ее в ведение Вселенского патриарха… отпали. Православная паства Финляндии с нетерпением ждет этого возвращения»[7].

Ответил ему новый патриарх Максим только 9 марта 1947 года, причем весьма обнадеживающе: «Финляндский церковный вопрос решен, пишем. Константинопольский Максим»[8].

Ю. Рийконен утверждает, что в то же время, весной 1947 года, патриарх Максим известил архиепископа Германа (Аава) о своем неодобрении плана «воссоединения» [21: 358]. О патриархе Максиме сохранились свидетельства современников: «…скорее, русофил, но ни одного самостоятельного шага он сделать не может: за него работает окружение» [3: 367]. Советское правительство пыталось с помощью финансовых вливаний (50 тыс. долларов) привлечь его на свою сторону [11: 388–389], но он продолжал лавировать. 6 июня 1946 года на совещании в Совете по делам РПЦ с участием патриарха Алексия Г. Г. Карпов упоминал об инструкции Константинопольского патриарха Максима своему экзарху «о противодействии русскому влиянию»[9]. В то же время 9 мая 1948 года в докладной записке Карпова К. Е. Ворошилову говорилось, что патриарх Максим «высказывался в свое время в пользу сближения с Русской церковью» [3: 680].

Под давлением английских, американских и турецких кругов, которым была невыгодна дружба Константинопольского патриарха с СССР, за что его считали человеком «ложного направления» и «русофилом», турецкое правительство приняло меры к отстранению патриарха Максима от управления Вселенской церковью. Уже в ноябре 1946 года он был объявлен больным (расстройство психики) и отправлен на лечение и в затвор. В течение года на него оказывалось давление и проводилась дискредитирующая кампания в СМИ, хотя он и заявлял, что не являлся коммунистом, но желал лишь объединения православных церквей [14: 283]. Осенью 1948 года он подал на покой, и на его место был продвинут архиепископ Нью-Йоркский, экзарх Константинопольского патриарха по Северной и Южной Америке, Афинагор (Спиру, 1886–1972), «американский ставленник»[10] и ярый антикоммунист, как его называли в бумагах Совета по делам РПЦ. Его деятельность отвечала интересам американского правительства, стремившегося объединить с Ватиканом православные церкви на Ближнем Востоке под флагом борьбы с коммунизмом, он также призывал и христиан, и мусульман сотрудничать с той же целью[11].

Патриарх Афинагор не поддержал процесс возвращения Финляндской церкви в Московский патриархат. Процесс, который до того времени, судя по письмам патриарха Алексия, был небезнадежным. 24 апреля 1946 года он писал Карпову, что финляндское правительство полностью сочувствовало идее «возвращения» [9: 148, 176]. Сам он сначала не очень хотел видеть в Москве финскую делегацию с архиепископом Германом, указывая в лучшем случае на Ленинград [9: 174]. Однако Карпов решил, что пригласить архиепископа и еще четырех человек с ним в Москву все же стоит [9: 180]. Переговоры с финской стороной затянулись до осени 1946 года. Оказалось, архиепископ Герман тоже не желал поездки, хотя и уверял, что готов к ней. Его не поддержала партия противников воссоединения [9: 211], чьи голоса были нужны ему в будущем, а несколько назначенных делегатов отказались ехать в Москву.

В январе 1947 года патриарх Алексий известил об этом Карпова. В письме архиепископу Герману он написал, что положение останется прежним: молитвенно-каноническое общение не будет восстановлено вплоть до Собора Финляндской православной церкви, который выразит такое желание [9: 229].

Весной 1947 года процесс «воссоединения» церквей прорабатывали в Министерстве иностранных дел Финляндии и финляндском посольстве в Москве. Однако в Финляндии попытка политиков действовать в обход местного Церковного Собора заставила православную общественность усомниться в благой цели самого процесса межцерковного сближения [21: 358].

Не осталась в стороне и влиятельная в Финляндии Евангелическо-лютеранская церковь. 19 июня 1947 года патриарх Алексий возмущенно сетовал Карпову, что получил от Архиепископа подробный опросник о состоянии Русской церкви с 1938 года. Архиепископ обещал предоставить синодальному собранию евангельско-лютеранского духовенства Финляндии «обстоятельный очерк» об этом. «Вот это нахал!», – резюмировал Карпов [9: 275]. Предложение, действительно, было провокационным. Патриарх Алексий также находил его неуместным. Вот, например, некоторые из вопросов архиепископа:

«7. Есть ли у Церкви… недвижимого имущества: земельные угодья, дома и пр., что имеется и сколько. <...>

14. Как организована материальная сторона жизни духовенства:

Кто содержит епископат: государство или Церковь?

Сколько епископ получает деньгами и что натурою (земельные угодья, квартира, освещение, отопление и т. п.)?

Кто оплачивает официальные поездки… <...>

15. Из какого источника получает средства центральная церковная власть…» [9: 277].

Г. Г. Карпова также насторожили «контакты» финской стороны с «империалистами». Как оказалось, согласно докладной записке Карпова министру иностранных дел Зорину,

«Архиепископ Герман поддерживал тесную связь с американцами и англичанами. В августе 1947 года он договорился с представителем из США о противодействии Московской патриархии. Из Англии и США... получал вещевые посылки и финансовую поддержку» [9: 364–365].

Насколько все это соответствовало действительности, неизвестно.

Спустя полгода – 19 апреля 1948 года – в первый раз в переписке Патриарха всплывает слово «автокефалия» в отношении «финляндского вопроса». Случилось это незадолго до отставки Константинопольского патриарха Максима, последовавшей в октябре 1948 года. В письме личного характера патриарх Алексий писал Карпову: «Я в мыслях имею и Финляндскую Церковь, которую мы могли бы, не нарушая канонов, повести под ту же “политику”, что и Польскую Ц[ерковь], т. е. дать ей автокефалию», для чего было необходимо официальное обращение от финской стороны. «Было бы хорошо теперь же подвинуть этот вопрос, имея в виду сложившиеся добрые отношения между Финляндией и нами» [9: 364–365].

Ожидавшийся 4 октября 1948 года Собор Финляндской православной церкви не состоялся: из-за выборов в Сейм Государственный совет Финляндии не успел вынести решения по вопросу возвращения Финляндской церкви в Московский патриархат [9: 365]. Незадолго до данного Собора патриарх Алексий в письме архиепископу Герману подтвердил свое намерение предоставить автокефалию Финляндской церкви [9: 403][12] и даже составил задним числом (от 3 июня 1948 года) постановление Синода об этом [9: 346, 401][13]. Условием архиепископа Германа было, чтобы выход из-под Константинополя, как и отделение от Московской патриархии, был проведен через местные Поместный Собор и Государственный совет [9: 365].

Дальнейшие события известны. Новый патриарх Константинопольский Афинагор не сочувствовал готовившейся автокефалии. Позиции и в Москве, и в Финляндии сдали не сразу. В 1952 году

«инициатором начала новой стадии переговоров о воссоединении... стала сама финляндская сторона, но теперь на уровне не церковного руководства, а приходского духовенства и мирян, – пишет владыка Силуан (Никитин). – Предстоятель Церкви архиепископ Карельский и всей Финляндии Герман (Аав) и Церковное Управление заняли выжидающую позицию»[14].

8 июля 1951 года заместитель председателя Комитета информации МИД СССР П. В. Федотов описал Г. Г. Карпову «расстановку сил в Финляндской епархии» [9: 631]. «Сторонниками возвращения» оставалось старшее поколение духовенства. Младшее же поколение, составлявшее большинство, было «воспитано в духе национализма» и выступало против. Фактически руководивший в то время всеми церковными делами викарный епископ Александр (Карпин) «хотя и непоследовательно», но поддерживал «присоединение». «По мнению сторонников Московской патриархии, решающую роль... сыграло бы официальное обращение московского патриарха к Финляндской православной церкви» [9: 631], – писал Федотов.

18 января 1952 года Г. Г. Карпов обсуждал с В. Молотовым «финляндский вопрос» и настаивал на необходимости новых переговоров с архиепископом Германом. Он считал целесообразным продолжать давить на него и опубликовать в «Журнале Московской Патриархии» статью о незаконности пребывания Финляндской православной церкви в юрисдикции Константинопольского патриарха, обратиться к последнему с нотой протеста и призвать присоединиться к протесту глав других церквей. М. В. Шкаровский также упоминает, что предполагалось оказать на правительство Финляндии давление в этом вопросе через Карело-Финскую ССР [19: 311].

В апреле 1952 года, после отъезда делегации РПЦ из Хельсинки, большинство членов местного церковного собрания высказалось против присоединения. По их мнению, «Московская церковь» находилась «под влиянием коммунистов», и в случае «присоединения» большинство верующих перешло бы в лютеранство [9: 631].

Владыка Силуан (Никитин) считает, что положительная динамика переговоров, начавшаяся весной 1952 года, была перспективной. Это случилось после

«приезда в Загорск… на Конференцию всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира протоиерея Финляндской Православной Церкви Михаила Миккола, передавшего митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу) так называемую "Декларацию молодого духовенства Финляндской Православной Церкви"»[15].

В декларации ее авторы выражали опасение по поводу ассимиляции православия с лютеранством и видели выход в воссоединении Финляндской церкви с Русской. Тогда же было решено начать неофициальные переговоры[16].

Однако, несмотря на заинтересованность и готовность идти на уступки лиц, их проводивших (митрополита Николая (Ярушевича) и члена Церковного управления доктора Пааво Конткonена), попытка вновь провалилась. П. Конткonен предлагал готовый план предоставления автокефалии Финляндской церкви на 1953–1955 годы и по какой-то причине был убежден, что Константинопольский патриарх не будет препятствовать: «Мы уже имеем от него письменное заверение о том, что решение этих вопросов он всецело предоставляет Собору Финляндской Церкви» [14: 315].

В 1953 году патриарх Алексий в майском номере «Журнала Московской Патриархии» назвал Финляндскую церковь епархией Русской церкви, что вызвало всплеск обид с финской стороны[17], послуживший поводом к охлаждению. П. Конткonен также опасался, что «воссоединение» вызовет разделение в финляндском обществе, тем более что большинство было против[18], и не особенно обрадовался необходимости для получения автокефалии создавать четвертую епархию (условие Московской патриархии), что требовало дополнительного времени и сил[19]. И это были не единственные трудности. Недоверие финской стороны росло, а РПЦ ждали новые испытания с приходом в СССР к власти Хрущева.

Потеря заинтересованности советского правительства в решении «финляндского вопроса» была обусловлена, вероятно, еще и тем, что патриарх Алексий был намерен использовать этот вопрос для улучшения положения Церкви в Олонецкой епархии и приграничных с Финляндией районах Карелии.

До революции в Карелии было 565 церквей, 2 127 часовен, 20 монастырей, 1 370 священнослужителей[20]. Накануне 1930-х годов в Карелии насчитывались 161 действовавшая церковь и 200 священников (91 из них обновленец). К началу Великой Отечественной войны в крае осталось только 50 открытых храмов, богослужение в которых совершали, как правило, сами верующие, читая молитвы перед алтарем [8: 40]. В связи с репрессиями

«в Петрозаводске и по всей республике было уничтожено практически все православное и обновленческое духовенство... Церковная жизнь на местах угасла. Численность православного духовенства за девять лет, с 1929 по 1938 годы, сократилась на 93 %, а количество действующих церквей… на 87,2 %», что свидетельствовало о «полном уничтожении клира и приходской системы в Карелии к концу 1930-х годов»[21].

В 1944 году Олонецкая епархия утратила свою самостоятельность и перешла в управление Ленинградской и Новгородской митрополии. Попытка восстановить в Карелии самостоятельную епархию была предпринята только в 1947 году, но она не увенчалась успехом. В течение двух лет (1947–1949) на Олонецкую кафедру назначались архиереи, тем не менее ее самостоятельность на четыре десятилетия была утрачена [4: 23].

Патриарх Алексий поднимал эту проблему перед Карповым. На 1 января 1952 года в Карело-Финской ССР было зарегистрировано шесть действовавших церквей: три в Петрозаводске, одна в г. Олонце, одна в с. Ладва Прионежского района и одна в г. Сортавале [9: 631]. 8 февраля 1952 года патриарх писал Карпову о предложенных митрополитом Николаем (Ярушевичем) мерах «к упорядочению положения наших приходов в Финляндии, а также и вообще к укреплению нашего влияния в Финляндии» с целью большего ознакомления «финляндского общества с деятельностью и положением Русской Православной Церкви в СССР» [9: 629]. В конце письма он написал:

«В связи с мероприятиями по укреплению нашего церковного и национального дела в пределах Финляндии необходимо принять меры к улучшению положения церковного дела и в соседней с Финляндией Карело-Финской республике, где обращает на себя внимание тенденция республиканских властей... к сокращению приходов... В Олонецкой епархии необходимо... увеличить число приходов... и в приграничных к Финляндии местах... Обеспечить причты содержанием и жилищными условиями» [9: 629–632].

В результате на письме заместителя председателя Совета Министров Карело-Финской ССР И. Беляева о состоянии дел в Олонецкой епархии Карпов оставил резолюцию: «Насколько сократилось количество церквей и за счет чего – доложить мне» [9: 632]. В дальнейшем советская власть так и не допустила возрождения самостоятельной Олонецкой епархии. В течение многих лет в Карелии действовало всего четыре храма: два в Петрозаводске и по одному в Сортавале и Олонце.

Что касается «финляндского вопроса», то в письмах патриарха за 1952 год Финляндия более не упоминалась. Только 5 января 1953 года он сообщил в Совет о нестроениях в Никольском приходе в Хельсинки и затруднениях в Валаамском монастыре в Хейнявеси. Оба подчинялись Московской патриархии. В приходе из-за недовольства друг другом начались разногласия среди членов Совета прихода. А Валаамскому монастырю с октября 1952 года Финляндское церковное управление угрожало «присоединением к своей юрисдикции» [9: 679–680]. Митрополит Григорий предлагал отправить в Финляндию делегацию для выяснения дел на месте, о чем и сообщал патриарх, ходатайствуя о визах для участников делегации. Он, между прочим, упомянул предыдущую делегацию (март 1952 года), которая «в сущности, ничем делу не помогла» [9: 679].

В 1953 году в справке Совета по делам РПЦ о Финляндии, направленной в ЦК КПСС, говорилось:

> «Встреча [нашей церковной] делегации с архиепископом Германом показала, что он относится к вопросу участия Финляндской церкви в борьбе за мир отрицательно, считая, что церковь не должна заниматься политикой. Епископ Александр [Карпин]... ответил, что, поскольку церковь находится на содержании государства, ей неудобно принимать участие в борьбе за мир» [9: 632].

Речь шла как раз о делегации (март 1952 года) в составе протоиереев П. Цветкова и М. Славнитского. Ее задачей было установить

> «фактическую и юридическую возможность организации новых... приходов патриаршей церкви... возможность и целесообразность организации в Финляндии особого благочиния русских православных церквей... и присылки благочинного из Советского Союза» [9: 632].

По вопросу возвращения Финляндской церкви в юрисдикцию Московского патриархата инструкция для делегации гласила, что делегаты не должны были делать никаких предложений, «поскольку они уже были сделаны патриархом раньше», но обязаны сообщить епископату Финляндской церкви «о готовности патриарха узаконить автокефалию» наравне с тем, как это было сделано в Польше и Чехословакии, но только после инициативы от самой финляндской стороны [9: 632].

Согласно сборнику, патриарх Алексий познакомился с вышеупомянутой «Декларацией» от молодых священников Финляндии только в 1953 году [9: 680], и это не нашло сколько-нибудь примечательного отражения в переписке. Рекомендованная делегация посетила Финляндию (21 июля – 12 августа 1953 года), в ее задачи входила в том числе встреча с инициаторами декларации. В то же время там находился с визитом митрополит Николай (Ярушевич). Несмотря на впечатляющий успех делегации и митрополита Николая, в переписке патриарха «финляндская тема» впервые всплыла только 30 сентября 1954 года, причем не как самостоятельный предмет обсуждения, а в качестве комментария к действиям «в Париже, Финляндии и Америке» патриарха Константинопольского, которые Святейший назвал «больным» для последнего «вопросом» [10: 87].

В Константинополе этот «больной вопрос» был рассмотрен 22 декабря 1953 года[22]. Официальное постановление Синода Константинопольской церкви и патриарха Афинагора о Финляндской церкви стало известно 19 мая 1954 года. В нем значилось, что Финляндская церковь, в согласии с новыми условиями жизни, находится в канонически законном положении, одобренном всеми Поместными церквами. Константинопольский патриарх считал, что на Соборе Финляндской православной церкви 1955 года нет необходимости поднимать вопрос о переходе в Московский патриархат. В феврале 1955 года официальный печатный орган Финляндской православной церкви «Аамун Който» заявил о прекращении публичной полемики о канонических разногласиях в местной Православной церкви ввиду несозидательного характера подобных споров [9: 326–327].

В 1950-е годы несвобода Московской патриархии в СССР была выгодной для Финляндского церковного управления, поскольку давала возможность манипулировать более сильным противником. Лавирование и балансирование между Москвой и Константинополем продолжалось в Финляндской церкви все 1950-е годы. Финские исследователи считают этот процесс обусловленным «политическими заигрываниями Финляндии и Советского Союза», которые «вели, с одной стороны, к улучшению положения дел в целом и для Финляндской Православной Церкви, в частности. С другой стороны, они так

и не смогли улучшить уже сложившийся негативный образ Московского Патриархата» в Финляндии [21: 363]. Финляндская православная церковь, в некотором смысле, следовала политической линии правительства, тон которой задал еще в 1944 году К. Г. Маннергейм. Его заботило, чтобы высший эшелон власти в Финляндии не был связан «безальтернативной» политикой по отношению к России [5: 186–187].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор переписки патриарха Алексия с Г. Г. Карповым показывает, что положительное решение «финляндского вопроса» находилось в прямой зависимости от позиции экуменического движения и Всемирного Совета церквей. Также мы можем наблюдать связь урегулирования «финляндского вопроса» с намерением патриарха Алексия улучшить положение Православной церкви в Карелии, что не входило в планы советского правительства.

Ровными государственно-церковные отношения в СССР сохранялись лишь внешне. В последние годы жизни Сталина курс государства на ограничение роли Церкви и ее влияния не только в политике, но и во всех сферах жизни общества стал радикальнее. В результате такой поворот в государственной политике привел к закрытию действовавших храмов, сокращению числа духовных школ, новому усилению антирелигиозной пропаганды.

Канонические отношения между Русской и Финляндской православными церквами были восстановлены только в 1957 году, полностью на условиях финляндской стороны – с сохранением нового календарного стиля в богослужении, включая Пасхалию, юрисдикции Константинопольского патриарха и забвением прежних споров и разногласий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века // Богослов.ru: научный богословский портал / Гл. ред. прот. П. Великанов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bogoslov.ru/article/4540972 (дата обращения 01.10.2020).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 138. Л. 158.
[5] Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века.
[6] World Alliance for International Friendship Through the Churches Collected Records, 1914–1947. Генеральным секретарем Альянса многие годы был Генри Аткинсон (Henry Atkinson).
[7] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 132. Л. 73; Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 67. Л. 21–21 об.
[8] Там же. Оп. 7. Д. 132. Л. 73.
[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 407. Л. 34.
[10] Казаков А. В. Какова роль ЦРУ в избрании Константинопольского патриарха // Независимая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-10-16/15_452_patriarch.html (дата обращения 01.02.2020).
[11] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 132. Л. 1.
[12] В письме от 20 сентября 1948 года.
[13] ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 429. Л. 54.
[14] Силуан (Никитин), иером. Проект предоставления автокефалии Финляндской Православной Церкви в 50-е годы XX века.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Письмо П. Контконена в Московскую патриархию 15 октября 1953 г. (ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 138. Л. 151–155).
[18] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 121. Л. 159.
[19] Там же. Л. 158.
[20] Краткие сведения о епархии // Православие в Карелии: Информационный отдел Петрозаводской и Карельской епархии 2001–2017 годы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eparhia.karelia.ru/eparhia.htm (дата обращения 20.01.2020).
[21] Басова Н. А. Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 гг.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 19.
[22] ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 147. Л. 13.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. А. Иллюзия и догмы: взаимоотношения Советского государства и религии. М.: Политиздат, 1991. 400 с.

2. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства. 1943–1948 гг. М.: Ин-т российской истории РАН, 1999. 212 с.
3. Власть и церковь в Восточной Европе, 1944–1953: Документы российских архивов: В 2 т. / Редкол.: Т. В. Волокитина (отв. ред.) и др. Т. 1. 1944–1948. М.: РОССПЭН, 2009. 887 с.
4. Константинтин (Горянов), митр. История Православия на Карельской земле // Православие в Карелии: Материалы IV науч. конф., посвящ. 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии (25–26 ноября 2015 г., г. Петрозаводск) / Ред.: Н. А. Басова, А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 12–24.
5. Мери В. Карл Густав Маннергейм – маршал Финляндии. М.: Новое литературное обозрение, 1997. 208 с.
6. Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
7. Одинцов М. И. Русские патриархи XX века: Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов: В 2 ч. М.: РАГС, 1999.
8. Олонецкая епархия: страницы истории / Сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. 253 с.
9. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945–1970 гг.: В 2 т. / Ред. Н. А. Кривова; Отв. сост. Ю. Г. Орлова; Сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. I. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 847 с.
10. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР 1945–1970 гг.: В 2 т. / Ред. Н. А. Кривова; Отв. сост. Ю. Г. Орлова; Сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. Т. II. 1954–1970 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 671 с.
11. Русская Православная Церковь. XX век / Авт.-сост. А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. 800 с.
12. Силуан (Никитин), иером. Архиепископ Герман (Аав) – первый предстоятель Финляндской Православной Церкви // Христианское чтение. 2017. № 3. С. 253–277.
13. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.
14. Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М.: ПСТГУ, 2012. 500 с.
15. Шевченко Т. И. Православная Церковь Финляндии после Второй мировой войны: «между Москвой и Константинополем» // Российская история. 2010. № 2. С. 176–184.
16. Шкаровский М. В. Константинопольская и Русская Церкви в период великих потрясений 1910-е – 1950-е годы. М.: Познание, 2019. 304 с.
17. Шкаровский М. В. Константинопольский Патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века. М.: Индрик., 2014. 230 с.
18. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. 1995. № 8. С. 36–56.
19. Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 1999. 400 с.
20. Purmonen V. Arkkipiispa Hermanin elämä. Helsinki: Ort. Pappien Liitto, 1986. 287 s.
21. Riikonen J. Kirkko politiikan syleilyssa: Suomen ortodoksisen arkkipiispakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007. 370 s.

Поступила в редакцию 03.03.2020; принята к публикации 27.12.2020

Original article

Tatyana I. Shevchenko, Cand. Sc. (Theology), Cand. Sc. (History),
St. Tikhon's Orthodox University
(Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6497-503X; tatyana_valaam@mail.ru

"FINNISH ISSUE" IN CORRESPONDENCE BETWEEN PATRIARCH ALEXIS I AND THE CHAIRMAN OF THE COUNCIL FOR THE AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH G. G. KARPOV

Abstract. The article addresses the "Finnish issue" in the correspondence between Alexis I (Simansky), Patriarch of Moscow, and Georgiy Grigoryevich Karpov, the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church established in 1943. The correspondence covers the period between 1945 and 1953. The entire correspondence (1945–1970) was published in the two-volume edition of the Russian Political Encyclopedia Publishing House in 2009. The "Finnish issue" included the discussion of measures and strategies for restoring canonical relations between the Russian and Finnish Orthodox Churches. In 1921, Moscow Patriarch Tikhon (Bellavin) granted autonomy to the Finnish Orthodox Church, and in 1923 it came under the jurisdiction of the Constantinople Patriarch, despite the protest of

Patriarch Tikhon. After that, relations between the Russian and Finnish Orthodox Churches were interrupted. The difficult situation of the Church in Soviet Russia and the Second World War did not allow both sides to discuss this issue. During the first post-war years, the Soviet government was interested in involving the Russian Orthodox Church in promoting its international policy. The review of the correspondence shows the dynamics of the discussion between Patriarch Alexis and G. G. Karpov on the problem of restoring the canonical communion between the Russian and Finnish Orthodox Churches, reveals some new issues arising from it, and helps to understand why the Finnish Orthodox Church was not granted autocephaly at that time.

K e y w o r d s : history of the Russian Orthodox Church in the XX century, Finnish Orthodox Church, Patriarch Alexis (Simansky), Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Georgiy Grigoryevich Karpov, Archbishop Germanus (Aav), autocephaly, Soviet-Finnish relations, state-church relations

F o r c i t a t i o n : Shevchenko, T. I. "Finnish issue" in the correspondence between Patriarch Alexis I and the Chairman of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church G. G. Karpov. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2021;43(2):44–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.583

REFERENCES

1. A l e k s e e v , V . A . Illusions and dogmas: relationship between the Soviet state and religion. Moscow, 1991. 400 p. (In Russ.)
2. V a s i l ' e v a , O . Y u . The Russian Orthodox Church in the policy of the Soviet state. 1943–1948. Moscow, 1999. 212 p. (In Russ.)
3. Power and the church in Eastern Europe, 1944–1953: Documents of Russian archives. In 2 vols. (T. V. Volokitina et al., Eds.). Vol. 1. 1944–1948. Moscow, 2009. 887 p. (In Russ.)
4. K o n s t i n t i n (G o r y a n o v) , M e t r o p o l i t a n . History of Orthodoxy on Karelian soil. "Orthodoxy in Karelia": Proceedings of the IV Conference Commemorating the 25th Anniversary of Restoring the Petrozavodsk and Karelian Diocese (Petrozavodsk, November 25–26, 2015). (N. A. Basova, A. M. Pashkov, Eds.). Petrozavodsk, 2016. P. 12–24. (In Russ.)
5. M e r i , V . Carl Gustaf Mannerheim – Marshal of Finland. Moscow, 1997. 208 p. (In Russ.)
6. O d i n t s o v , M . I . State and Church in Russia: XX century. Moscow, 1994. 171 p. (In Russ.)
7. O d i n t s o v , M . I . Russian Patriarchs of the XX century: The fate of the motherland and the Church on the pages of archival documents. In 2 vols. Moscow, 1999. (In Russ.)
8. Olonets Diocese: pages of history. (N. A. Basova et al., Eds.). Petrozavodsk, 2001. 253 p. (In Russ.)
9. Letters from Patriarch Alexis I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars –the Council of Ministers of the USSR. 1945–1953. (N. A. Krivova, Ed.; Yu. G. Orlova, O. V. Lavinskaya, K. G. Lyashenko, Comp.). Vol. 1. Moscow, 2009. 847 p. (In Russ.)
10. Letters from Patriarch Alexis I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. 1954–1970. (N. A. Krivova, Ed.; Yu. G. Orlova, O. V. Lavinskaya, K. G. Lyashenko, Comp.). Vol. 2. Moscow, 2010. 847 p. (In Russ.)
11. The Russian Orthodox Church. The XX century (A. L. Beglov, O. Yu. Vasil'eva, A. V. Zhuravskiy, Auth., Comp.). Moscow, 2008. 800 p. (In Russ.)
12. S i l u a n (N i k i t i n) , H i e r o m o n k . Archbishop Germanus (Aav) – the first Primate of the Finnish Orthodox Church. *Christian Reading.* 2017;3:253–277. (In Russ.)
13. C h u m a c h e n k o , T . A . The state, the Orthodox Church and believers. 1941–1961. Moscow, 1999. 246 p. (In Russ.)
14. S h e v c h e n k o , T . I . The Valaam Monastery and establishment of the Finnish Orthodox Church (1917–1957). Moscow, 2012. 500 p. (In Russ.)
15. S h e v c h e n k o , T . I . "Between Moscow and Constantinople": the Orthodox Church of Finland after the World War II. *Russian History.* 2010;2:176–184. (In Russ.)
16. S h k a r o v s k i y , M . V . The Constantinople and Russian Orthodox Churches during the "great upheavals" between the 1910s and the 1950s. Moscow, 2019. 304 p. (In Russ.)
17. S h k a r o v s k i y , M . V . The Constantinople Patriarchate and the Russian Orthodox Church in the first half of the XX century. Moscow, 2014. 230 p. (In Russ.)
18. S h k a r o v s k i y , M . V . The Russian Orthodox Church in 1943–1957. *Issues of History.* 1995;8:36–56. (In Russ.)
19. S h k a r o v s k i y , M . V . The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: state-church relations in the USSR in 1939–1964. Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.)
20. P u r m o n e n V . Arkkipiispa Hermanin elämä. Helsinki, 1986. 287 s.
21. R i i k o n e n J . Kirkko politiikan syleilyssa: Suomen ortodoksisen arkkipiispakunnan ja Moskovan patriarkaatin valinen kanoninen erimielisyys 1945–1957. Joensuu, 2007. 370 s.

Received: 3 March, 2020; accepted: 27 December, 2020